

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕНДЕНЦИЯ В ПСИХОЛОГИИ

Г.М. КУЧИНСКИЙ, доктор психологических наук, профессор Минского института управления

Центральная проблема данной статьи – единство-раздвоенность психологии. Исходным пунктом размышлений является понимание Л.С. Выготским сущности психологического кризиса и возможных путей его преодоления. Дается интегрированное описание феноменологического метода и его развития в психологии. На этой основе показано, что как эксперимент является не единственным, но основным методом психологии, ориентированной на образцы естественных наук, так и феноменологический метод является не единственным, но доминирующим методом исследования для некоторого спектра психологий, представляющих феноменологическую тенденцию. Перспективы последней связываются с превращением диалога в предмет и метод феноменологического исследования.

Ключевые слова: раздвоенность психологии, психологический кризис, методологический анализ, основные тенденции в психологии, феноменологическая тенденция, феномен, развитие феноменологического метода, диалог как предмет и метод феноменологической психологии.

Л.С. Выготский о судьбе феноменологической психологии

Исходным пунктом наших размышлений о феноменологической тенденции в психологии стало понимание феноменологической психологии Л.С. Выготским, изложенное в его широко известной монографии «Исторический смысл психологического кризиса», над которой он работал в 1925–27 годах [4]. Анализируя состояние психологии в первой четверти XX века, ученый приходит к выводу о том, что кризис в психологии действительно существует. Его суть, по мнению Выготского, состоит в отсутствии единой, целостной психологии, в ее разделённости на множество частных, конкретных психологий, каждая из которых противоречит едва ли не всем остальным.

В процессе тщательного анализа отдельных частных психологий и поиска путей их интеграции в единую науку, Выготский переходит к исследованию тенденций, объединяющих эти разрозненные психологии. Он делает принципиальный вывод о том, что в психологии существуют две несовместимые основные тенденции. Первая ориентирована на образцы естественнонаучного исследования, вторая строится по образцам гуманитарных наук. Сам ученый не использовал каких-либо постоянных названий для обозначения этих тенденций. Что же касается его монографии, то в ней чаще других для обозначения первой тенденции используются термины «объективная психология» или «естественнонаучно ориентированная психология».

Для обозначения второй тенденции мы считаем возможным использовать термин «феноменологическая психология» («феноменологическая тенденция в психологии»), к которой следует отнести и описательную психологию, и понимающую, и субъективную, и эйдетическую, и др.

Раздвоенность психологии кроме Л.С. Выготского отмечали В. Дильтей [5], К. Ясперс [14], В.Н. Волошинов [3], Л. Бинсвангер [1; 2], К. Роджерс [9]. И в настоящее время проблема единства-целостности психологии по-прежнему остается актуальной.

Стоит еще раз подчеркнуть, что Выготский говорит о несовместимости не каких-то конкретных психологий, а о несовместимости двух основных тенденций в психологии. Это позволяет ему перейти от анализа достоинств и недостатков частных психологий к прояснению методологических оснований выделенных им основных тенденций. В монографии Выготского в качестве таких оснований рассматриваются материализм и идеализм. Материализм воплощен в объективной психологии, рефлексологии, поведенческой психологии, экспериментальной психологии. Имеется в виду психология, использующая объективные методы исследования, не умозрительная, а практическая. Такая наука стремится избавиться от антропоцентризма вообще, пользуется приборами и технологиями. Для нее косвенные методы исследования являются обязательными. Ее цель – поиск причин

и объяснение изучаемых явлений, ее идеал – точные определения, строгие термины (по типу математических, например). У нее есть общепризнанные факты. Воплощением идеалистической методологии является психология описательная, феноменологическая, индетерминистская, субъективная, использующая методы, от которых можно отказаться, если им будет найдена более подходящая замена. Эта наука преувеличивает значение непосредственного опыта; для нее важна ориентация на ценности. Ее можно назвать и телеологической, и интенциональной.

Здесь необходимо напомнить, что любая психология, претендующая в соответствии с некоторыми сложившимися критериями на статус научной, так или иначе должна определить предмет исследования (что именно изучается) и метод исследования (как, каким способом, каким путем добывается знание). По мнению Л.С. Выготского, существование двух принципиально разных типов психологии делает задачу определения единого предмета психологического исследования и адекватного ему метода исследования не решаемой. Однако он находит оригинальный выход из наметившегося методологического тупика. Основываясь на идее о несовместимости двух выделенных тенденций, Выготский приходит к выводу о том, что кризис в психологии разрешится в результате отмирания одной из выделенных тенденций. В состав этой отмирающей тенденции Выготский включает и феноменологическую психологию, и описательную, и субъективную, т.е. все те психологии, которые, по его мнению, являются предельно умозрительными, лишенными эмпирической базы и, кроме того, практически бесполезными.

Феномен и феноменологический метод

Прогноз Выготского не оправдался. Феноменологическая тенденция в психологии и по прошествии вот уже более 75 лет не только не исчезла, но даже определенным образом развивается [8; 15]. Это дает повод внимательнее присмотреться к данной тенденции в психологических исследованиях. Но прежде чем говорить о феноменологической психологии, следует уделить некоторое внимание феноменологии как таковой. Это позволит более квалифицированно судить о предмете и методе тех психологий, которые образуют данную тенденцию, об их единстве и своеобразии, о целесообразности их объединения в рамках общей тенденции.

Известный специалист по феноменологии Герберт Шпигельберг назвал свою книгу «Феноме-

нологическое движение» [11]. Такое название дало автору больше возможностей для изображения единства темы при наличии существенных расхождений в способах ее развития, чем, к примеру, термины «школа» или «направление». Несмотря на отсутствие общепризнанных определений, а, может быть, именно по этой причине термин «феноменология» имеет широкое, даже избыточное употребление, что вполне может оказаться предпосылкой взаимного непонимания автора и читателя. Чтобы этого избежать, следует уточнить, что собой представляет феномен, что такое феноменологический метод и какие результаты, какие знания могут быть получены с помощью данного метода. Для начала можно попробовать составить перечень понятий, которые используются для конкретизации термина «феномен». Вот некоторые из них: явление; предмет, данный в чувственном созерцании; предмет опытного знания; истинный, подлинный предмет познания; видимый мир; явленность бытия, видимость, кажимость, иллюзорность. Феномен – это «чувственная» вещь, то есть «вещь, которая дана нам непосредственно в чувственном опыте вместе с ее качествами, связями и отношениями» [7, с. 175]. Однако феномен – это не только некоторые аспекты вещи, данные в восприятии, но также и «единство, пронизывающее смену созерцаний», «чистые содержания», «единства сознания» [11].

Приведённых выше примеров недостаточно для определения феномена. Но на их основе можно получить представление о тех основных смысловых структурах и координатах, которые позволяют локализовать рассматриваемое понятие. В итоге под феноменом обычно понимают нечто созерцаемое, доступное чувственному восприятию, а не мыслимое; это нечто эмпирически данное, а не полученное как результат рассуждений. Часто феномен – это также доступное восприятию проявление чего-то внутреннего, имманентно присутствующего воспринимаемому как какой-то сущности или сущностной структуре; это может быть нечто кажущееся, иллюзорное (в отличие от подлинного, действительного), а также нечто случайное, изменчивое (в отличие от необходимого, постоянного) и, наконец, нечто полное, целостное (в отличие от абстрактного, одностороннего). Наше противопоставление феномена чему-то иному, что в нем скрыто, в нем проявляется, не означает превращения противоположностей в самостоятельные сущности. Напротив, невозможно разделить феномен и то, что в нем проявляется.

Вместе с тем именно многообразие и количество известных феноменов вынуждает отказаться от составления их перечня и поиска универсального определения и сосредоточиться на методе феноменологического исследования. Определенное единство и сходство изучаемых феноменов находят свое воплощение, прежде всего, в определенном единстве метода феноменологического исследования.

Пытаясь определить суть феноменологии, Шпигельберг обращается к весьма примечательному документу. Речь идет о заявлении издателей, напечатанном в специализированном феноменологическом журнале, который издавал Э. Гуссерль – центральная фигура в феноменологическом движении – совместно с другими известными феноменологами. Из заявления можно понять, что основное в феноменологии и феноменологическом методе – это «прямое созерцание», «интуиция» и «усмотрение сущностных структур». Иначе говоря, есть нечто доступное прямому созерцанию, а это прямое созерцание оказывается источником дальнейшего, основанного на интуиции, проникновения в сущностные структуры созерцаемого [11].

Таким образом, «нечто», охарактеризованное как феномен, с помощью созерцания, интуиции, усмотрения, типизации позволяет выявить то, что было названо сущностью, сущностной структурой. К феномену можно применить и ряд других характеристик, например, наблюдаемый, макроскопический, особый, узнаваемый, имеющий границы. Все изложенное создает смысловое поле, необходимое для осуществления дальнейшего анализа.

Как утверждает Шпигельберг, можно обсуждать термины, идеи, подходы, но, пожалуй, больше смысла представить феноменологию как особого рода действие и тем самым превратить ее в феноменологический метод. Именно в этом видит Шпигельберг смысл его реконструкции и выделяет семь последовательных этапов (шагов) интегративного феноменологического метода, наиболее полно воплощающих в себе феноменологический подход. Вот эти шаги: исследование частных феноменов, исследование общих сущностей, схватывание сущностных отношений между сущностями, наблюдение типов явленности, наблюдение конституирования феноменов сознания, заключение в скобки убеждения в существовании феноменов, истолкование значений феноменов [11].

Исследование частных феноменов. Шпигельберг отмечает, что под этим названием объединены три не всегда различаемые операции,

которые он называет феноменологическим интуированием, или интуитивным постижением феноменов, их аналитическим исследованием и их описанием. По мнению ученого, всякий раз, когда появляется достаточно сложный феномен, необходимо на основе интуиции осуществить предварительное прояснение основных терминов, которые указывают на данный феномен. Это можно сделать, приводя, например, наиболее типичные употребления соответствующего термина.

Поиск существенных определений феноменов сопровождается поиском тех сходных явлений, от которых следует отличить изучаемый феномен. Можно утверждать, что суть феноменологического интуирования состоит в стремлении ухватить с помощью сравнений уникальность изучаемого феномена, его сходства и различия с другими феноменами.

Интуирование предъявляет достаточно противоречивые требования к субъекту, который должен как бы слиться с объектом, быть поглощенным им. С другой стороны, он должен сохранять дистанцию и возможность критического отношения к своему восприятию интуированного объекта.

Достаточно важным и запутанным остается вопрос о том, ограничивается ли феноменология только субъективными феноменами. Как отмечает Шпигельберг, убежденность в том, что феноменология изучает только субъективные феномены, является широко распространенной. В таком случае феноменология интерпретируется как возврат к субъективной психологии, своеобразному рецидиву интроспекционизма. Здесь следует привести в высшей степени содержательное замечание Шпигельберга о том, что гуссерлевская феноменология субъективности «включает попытку обнаружить сущностные – т. е. объективные или абсолютные – структуры, которые в противном случае были бы лишь субъективными феноменами» [11, с. 647]. При такой позиции оказывается несущественным, имело ли место событие на самом деле или же была только уверенность субъекта в его реальности. Конкретное наблюдение может быть субъективным или объективным, но и в том, и в другом случае речь идет об определенном опыте, полученном субъектом в виде конкретных феноменов сомнения, любви или каких-либо еще.

Полученные с помощью интуирования элементы и структуры изучаемых феноменов становятся объектом феноменологического анализа, направленного на прояснение выделенных

элементов и структур. Суть данного анализа не в том, чтобы от выражений, в которых описаны, обозначены изучаемые феномены, перейти к другим выражениям, более простым по структуре, а в том, чтобы сосредоточиться на первичных обозначениях феноменов и исследовать их референты, т. е. обозначаемые этими выражениями феномены. Как подчеркивает Шпигельберг, «феноменологический анализ – это анализ феноменов, а не выражений, отсылающих к ним» [11, с. 650].

Что касается феноменологической дескрипции, то она представляет собой описание проинтуированных и проанализированных элементов и структур изучаемых феноменов. Можно, как это делает Шпигельберг, выделить две особенности феноменологической дескрипции. Прежде всего, это ее избирательный, выборочный характер. Дело не только в том, что все описать невозможно, а в том, что при описании следует уделить особое внимание основным, наиболее важным характеристикам, элементам, отношениям изучаемых феноменов и абстрагироваться от случайных. Но если описание должно быть избирательным, то оно должно опираться на некий предварительный анализ. Второй особенностью феноменологической дескрипции является то, что она как бы сама учитывает свою функциональную направленность – быть надежным руководством при обнаружении данных феноменов в актуальном и потенциальном опыте слушающего.

Будет нелишним подчеркнуть, что дескрипция ориентирована на то, чтобы представить частные феномены во всей их конкретности.

Следующая ступень (шаг) феноменологического метода предполагает переход от исследования частных феноменов к **исследованию общих сущностей (эйдетическое интуирование)**.

Основой для понимания общей сущности являются частные феномены как ее конкретные примеры. Адекватное интуирование общей сущности без интуирования соответствующих частных феноменов, в которых она себя проявляет, невозможно. Характеризуя способ, каким в частных феноменах можно увидеть общую сущность, Гуссерль использует понятие «проецируемое интуирование». Суть его в том, чтобы, отталкиваясь от частных феноменов, смотреть как бы сквозь них. Каждый частный пример служит основой для проецирования общего типа с помощью интуирования.

Постижению общей сущности помогает построение серий из рассматриваемых частных

феноменов, организованное таким образом, чтобы минимально различающиеся частные феномены (примеры) были максимально близки. Это позволяет в последовательностях примеров быстро обнаружить их ядро, стержни, узловые точки. Принадлежность феномена к той или иной группе оказывается основанной на естественном сходстве.

Очевидно, что феноменологическое исследование не может ограничиться описанием тех или иных компонентов изучаемого объекта, поэтому его следующим этапом является **изучение сущностных отношений, или связей, между сущностями**. Понятно, что речь идет о выявлении отношений внутри одной сущности или между сущностями, т. е. о внутренних и внешних отношениях. Основной способ их исследования – «свободное варьирование в фантазии» (выражение Гуссерля) компонентами, выявленными в структуре сущности (например, их изменение или удаление) с целью определения их необходимости для структуры, совместимости с другими компонентами.

Варьированию могут быть подвергнуты и сущности, рассматриваемые как целое, которое включено в разнообразные отношения. Сочетание одной сущности с разными другими, исключение некоторых из них из каких-либо отношений, замена сущностей могут осуществляться с целью определения характера отношений между сущностями, сущностной необходимости, сущностной возможности или даже невозможности некоторых отношений. Шпигельберг ассоциирует отношения внутри одной сущности с аналитическим знанием, а отношения между сущностями – с синтетическим.

Феноменологическое исследование и на этом этапе направлено не на высказывания, а на их онтические референты.

Более специфическими и, вероятно, более спорными являются следующие шаги феноменологического исследования.

Наблюдение типов явленности исходит из необходимости выяснения не только того, *что* является, но и того, *как* оно является. Речь идет о способах явленности интенциональных объектов, способах, которыми объект представляет нам себя. Здесь можно иметь в виду и то, какими сторонами, в какой перспективе и при какой степени ясности, отчетливости дан нам познаваемый феномен. Например, он может находиться на периферии феноменального поля.

Конституирование феноменов сознания нельзя отнести к числу четко определенных

действий, однако оно весьма значимо для понимания специфики феноменологического подхода к исследуемым объектам.

Сознание никоим образом не пассивно, оно в значительной мере определяет характер и способ явления мира субъекту. Вопрос не в том, признавать или не признавать существование такого фундаментального свойства сознания. Главное – обнаружить его проявления в конкретном феноменальном поле по отношению к конкретным феноменальным объектам. Шпигельберг приводит пример, поясняющий, о чем идет речь. Он обращается к опыту ориентирования в незнакомом городе. Предположим, человек попал в этот город ночью, не успев ничего ни увидеть, ни запомнить. Утром он начнет осваивать это новое пространство, пытаясь привязать его к имеющимся структурам знаний. Именно в отношении к новым знаниям, их приему, перестройке или игнорированию, комментированию, оцениванию, упорядочиванию, включению в те или иные уже имеющиеся структуры проявится конституирующая функция сознания. В этом процессе изменяются и уже готовые структуры в целях не допустить противоречия, устранить пустоты в сложившейся структуре сознания.

Конституирование может быть и пассивным, но это не исключает конституирования активного, на основе рефлексии, в виде многообразных попыток связать разрозненные феномены в единое целое (например, при решении задачи). Иначе говоря, конституирование в основном представляет собой спонтанную активность сознания, которое как бы принимает в себя, в свой мир объект, изменяя его и изменяясь само.

Следующий шаг в предлагаемой Шпигельбергом модели феноменологического метода – **заклучение в скобки убеждения в существовании феноменов**. То, что при этом происходит, можно обозначить как последовательное исключение суждений о существовании или несуществовании обсуждаемых феноменов в реальности. Именно вопрос о существовании феноменов выносится за скобки, но таким образом, чтобы исследуемое содержание феноменов сохранилось максимально полно. Речь идет об отказе от так называемой наивной естественной установки, в соответствии с которой мы автоматически относим осознаваемые нами объекты к классу существующих или несуществующих в реальности. Тем самым реальное существование не исключается, оно просто не обсуждается, а соответствующий вопрос переносится на второй план (заклучается

в скобки). Смысл подобного действия в том, чтобы отвлечься от экзистенциального аспекта изучаемого феномена (от его *как*) и сосредоточиться полностью на его сущностном содержании, т. е. на *что* феномена. Исключение экзистенциального аспекта должно способствовать интуированию изучаемых объектов за счет такого расширения зоны нашего внимания, которое охватывало бы в равной мере и действительно существующее, и существующее лишь в воображении, и нечто сугубо конвенциональное.

Важно, что отказ от естественной установки (заклучение в скобки) облегчает исследование так называемых общих сущностей, уводит от обсуждения их реального статуса. Все это является предпосылкой беспристрастного исследования структур и сущностных отношений.

Отметим и то обстоятельство, что сам Гуссерль рассматривал эйдетическую редукцию как идеализирующую абстракцию, но не считал ее необходимым условием выполнения сущностной интуиции. Иными словами, беспристрастное исследование возможно и без предварительного осуществленной редукции.

Интерпретация скрытых значений – последний шаг в модели феноменологического метода, построенной Шпигельбергом. Следует сразу отметить, что включение в феноменологический метод процедур истолкования возможно лишь при определенном понимании соотношения феноменологии и герменевтики. Когда говорят о герменевтике, имеют в виду, прежде всего, интерпретацию смысла. Однако Шпигельберг делает существенное замечание о том, что независимо от герменевтики феноменология сама по себе всегда имеет дело с ценностями, значениями, смыслами, а, значит, и с их интерпретацией. Уже в простом акте восприятия, созерцания, осуществляемом человеком, проявляется избирательность внимания, его направленность на те или иные аспекты объекта. Восприятие выделит то, что более ценно, более значимо. Следовательно, понимание ценности и значимости объекта есть всегда. В чем же тогда специфика феноменологии герменевтической? По-видимому, в том, что она ориентирована на выявление *скрытых значений*, которые не проявляются прямо в нашем интуировании, не являются очевидными. При таком понимании сути герменевтической феноменологии возникает вопрос о том, насколько подобный подход вообще совместим с феноменологией, которая имеет дело с тем, что дано непосредственно. Иными словами,

исследование чего-то скрытого и не данного непосредственно выходит за пределы феноменологии. Однако М. Хайдеггер несколько иначе определяет суть обсуждаемого подхода [10]. Он говорит о прояснении того, что уже дано. Основной вопрос, на который ищет ответ философ, касается смысла бытия. М. Хайдеггер поясняет, что бытие нельзя рассматривать как один из видов сущего, равно как и то, что бытие всегда есть бытие сущего. Поэтому для поиска ответа на вопрос о смысле бытия особую роль играет правильный выбор сущего, которое будет подвергнуто тщательному анализу. Таким особым сущим оказывается *Dasein*, отличающееся от какого-либо иного сущего именно наличием *понимания собственного бытия*. Доступные *Dasein* способы быть определяются тем, как оно понимает свое бытие, что, в свою очередь, связано с лежащими в основании понимания базовыми смысловыми структурами. Понимание становится само собой в толковании, через толкование. А растолкованное всегда имеет свою проясненную структуру. Толкование ведет к понятности, потому что проясняет смысл. Важнейшей особенностью феноменологического метода является его ориентация не на анализ сущего как такового, а на анализ бытия того сущего, которое мы сами суть. Именно бытие сущего часто остается, как говорит Хайдеггер, потаенным, соскальзывает в сокровытость и поэтому нуждается в феноменологическом методе для своего выявления и прояснения. Для М. Хайдеггера и других сторонников герменевтической феноменологии превращение собственно феноменологического метода в метод герменевтико-феноменологический связано с обращением к новому предмету исследования — бытию человека в мире. Именно при таком подходе все феномены должны быть поняты, проинтерпретированы, истолкованы как феномены бытия. Только в этом случае можно надеяться на понимание смысла бытия.

Таким образом, выделив в качестве одной из ступеней феноменологического исследования интерпретацию скрытых значений феноменов, Шпигельберг в целом правильно обозначил направление изменений феноменологического метода, проявившееся в трансформации дескриптивной (описательной) феноменологии в феноменологию герменевтическую. Исследование скрытых значений не ведет неизбежно за пределы непосредственно данного, не является несовместимым с другими шагами и принципами феномено-

логического исследования, а, напротив, существенно их дополняет.

О развитии феноменологического метода в психопатологии и психологии

Итоговое, интегрированное описание феноменологического метода, которым Шпигельберг завершает свое исследование феноменологии, можно рассматривать как эталон, с которым при необходимости следует соотносить другие варианты и процедуры феноменологического исследования. Представленное Шпигельбергом описание феноменологического метода позволяет сопоставить его с типами феноменологического анализа, используемыми в патопсихологических исследованиях. Для такого сравнения есть много оснований. Во-первых, психопатологи стремятся изучать и патологию, и норму, поскольку одно без другого не существует. Во-вторых, психопатология значительно ближе к практике, чем многие сферы психологического знания. И, наконец, феноменологический метод, реконструированный Шпигельбергом, является, прежде всего, исследовательской процедурой, претендующей на определенную роль в научном и философском познании, а методы феноменологического анализа психопатологии все же значительно ближе к решению практических задач. В этой связи представляет интерес вопрос о практически ориентированном применении феноменологического метода наряду с чисто научным.

История проникновения феноменологии в область психопатологических исследований является весьма поучительной.

Что с клинической точки зрения означает феноменологический метод и экзистенциальный анализ? Такой вопрос ставит перед собой Генри Эллиенбергер [12]. Рассматривая эти новые явления в области психопатологии, он пытается прояснить их цель и значение через обращение к историческому материалу. Выяснилось, что во времена Галена психиатрия представляла собой описания наиболее выраженного, странного, необычного поведения пациента, а не его внутреннего мира.

Однако в XVIII веке развитие психологии расширило представление о психике. Были выделены такие ее подструктуры, как интеллект, эмоции и воля. Каждая из подструктур, в свою очередь, делилась на другие, более мелкие функции: восприятие, воображение, мышление, суждение и др. Эти новые понятия оказались инструментами, с помощью которых психиатры принялись систематически изучать различные

душевные расстройства. Но в процессе накопления опыта стала очевидной недостаточность описания частных мелких функций психики для отражения того, что происходит с пациентом в целом. Стало очевидным, что определение бреда или галлюцинаций, будучи формально правильным, не только не помогает, а иногда даже препятствует целостному пониманию пациента как личности. Мир его переживаний, проникнуть в который было по-прежнему невозможно, оставался закрытым. Для этого проникновения требовался другой метод. Таковым оказался феноменологический метод, на основе которого и возникло феноменологическое направление в психопатологии и психологии.

Развитие феноменологического направления позволяет выделить в психопатологии несколько вариантов феноменологического исследования. Один из них, наиболее простой, – *феноменологическое описание*. Здесь Г. Эллиенбергер в качестве примера называет исследования К. Ясперса [14].

Феноменология Гуссерля послужила своеобразным фундаментом, методологическим принципом, на котором стали строиться разнообразные исследования психических феноменов. При этом исследователи соблюдали определенные правила. Например, следовало наблюдать феномен так, как он сам себя проявляет, исключать различные оценочные суждения о нем, утверждения о причинах его возникновения, сосредоточиться на том, что он собой представляет в настоящий момент. Со временем феноменология в психопатологии становится не просто техникой наблюдения, но и способом осмысления, а, значит, и проникновения в субъективные переживания пациента. Вместе с тем даже детальные и точные описания психопатологических состояний еще далеки от их анализа, от полагаемого в психопатологии выделения симптомов и синдромов болезни, понимания ее сущности. Но все же феноменологическое изучение состояний сознания приобретает свой собственный статус в психопатологическом изучении клиента. У психиатра появились интерес и потребность в глубоком понимании душевного состояния пациента, необходимость войти с ним в контакт, проникнуть в его субъективные переживания.

В качестве следующего типа феноменологического изучения психопатологии, по мнению Г. Эллиенбергера, сформировался *генетико-структурный метод*. Основная направленность данного метода состоит в том, чтобы выявить в совокупном содержании сознания

некоторую единую структуру. Кроме того, важно также обязательно найти ту причину, развитие которой привело к данной системе со всеми ее особенностями (состояниями, синдромами, симптомами). В этом и заключается смысл генетико-структурного метода.

К третьему типу феноменологического анализа согласно Г. Эллиенбергеру относится *категориальный анализ*. Цель данного анализа – реконструкция не отдельных феноменов или их комплексов, а всей картины переживаний пациента, т. е. его внутреннего мира в целом. Для этого необходимо осуществить исследование того, как субъект представляет и переживает то содержание, которое фиксируется наиболее фундаментальными категориями – временем, пространством, причинностью, материальностью. Субъективные переживания времени, как и других перечисленных феноменов, образуют фундаментальные особенности мира, в котором живет человек. Время – застывшее, мчащееся, лишнее будущего, пульсирующее; пространство – удаленное, надвигающееся, задевающее, угрожающее, чужое, незнакомое и т. п. Категории – это своеобразные координаты, с опорой на которые и ведется реконструкция внутреннего мира переживаний пациента. Используемые при анализе категории соотносятся и между собой, и с реконструируемым миром переживаний в целом.

«Каким бы ни был метод феноменологического анализа, его целью всегда будет реконструкция внутреннего мира переживаний субъекта. У каждого человека свой способ переживания темпоральности, пространственности, причинности и материальности, но каждое из этих направлений необходимо понять в его связи и с внутренним миром в целом», – пишет Г. Эллиенбергер [12, с. 227].

Следует отметить, что Эллиенбергер ограничивает задачи феноменологического метода реконструкцией внутреннего мира пациента лишь потому, что различает феноменологический и экзистенциальный анализы. Для нас же речь идет не о двух разных методах анализа, а о развитии, которое получает феноменологический метод при переходе от изучения отдельных феноменов и даже внутреннего мира человека в целом к исследованию экзистенции, бытия человека в мире, как это имеет место, например, в Dasein-анализе М. Хайдеггера, а затем и Л. Бинсвангера [6; 13].

Таким образом, у нас есть возможность конкретизировать предмет исследований феноменологической психопатологии (и психо-

логии). Этот предмет составляют отдельные (частные) феномены, их комплексы или структуры, внутренний мир пациента как единое целое и экзистенция, бытие человека в мире. Подобное усложнение предмета феноменологического исследования сопровождается соответствующим усложнением используемого феноменологического метода: от феноменологического описания исследуемого объекта через структурно-генетический, а затем и категориальный анализ к герменевтико-феноменологическому методу.

Конечно, то, что изложено выше, это, в известной мере, схематизация, может быть, даже упрощение реальных живых отношений между предметом и методом исследований в сфере феноменологической психологии. И, тем не менее, развитие феноменологической психологии в виде взаимозависимых изменений предмета и метода подобного исследования продолжается [15].

Прояснение сути феноменологического метода и сложных соотношений предмета и метода феноменологической психологии дает достаточно серьезные основания для несколько расширительного толкования термина «феноменологическая психология». При таком понимании вся феноменологическая тенденция в психологии как бы сводится к одной конкретной частной науке. Тем не менее мы считаем возможным обозначить одну из двух выделенных Выготским тенденций в психологии термином «феноменологическая психология», которая, будучи частной конкретной психологией, своими особенностями наиболее полно представляет специфику всей рассматриваемой нами тенденции. Речь идет о том, что феноменологическая психология является одновременно и описательной (описание – обязательная для феноменологического метода процедура), и понимающей (понимания без интерпретации не бывает, а интерпретация входит в структуру феноменологического метода). Феноменологическая психология представляется субъективной, по крайней мере, потому, что изучает субъективный внутренний мир человека. Эта психология может быть названа и эйдетической, поскольку в феноменологической психологии Гуссерля эйдетическая редукция является обязательной процедурой.

Таким образом, проделанный анализ показал, что в психологической науке между конкретными психологиями внутри единой тенденции существует глубокая связь. Относительное единство феноменологической тенденции связано с доминирующим положением феноменоло-

гического метода среди других методов исследований, используемых в рамках этой тенденции. Феноменологический метод – это своего рода синтез различных исследовательских процедур, используемых в самых различных своих модификациях. Если в рамках феноменологической тенденции доминирует феноменологический метод исследования, то в психологии, ориентированной на естественнонаучные исследования, основным методом является эксперимент. Такое положение позволит в дальнейшем по-новому взглянуть на проблему несовместимости выделенных Выготским основных тенденций в психологической науке.

Чем больше мы узнаем о том, что собой представляет феноменологическая тенденция в психологии, тем существеннее кажется вопрос о ее будущем. Развитие феноменологической тенденции в психологии, развертывание исследований экзистенции, бытия человека в мире показывает, что «бытие-В-мире» – это всегда бытие с «Другим», т. е. совместное бытие, со-бытие, общение, опосредствованное знаковыми системами. Сложнейшей формой такого общения является диалог.

Диалог – не только сложнейшая форма речевого, но и любого другого общения. Он представляет собой форму общения, присутствующую только человеку, специфическую для его существования в мире. Диалог выполняет особые функции в жизни человека, которые ничем нельзя заменить, не уничтожив человека как личность, ибо без общения нет человека, без «Другого» нет «Я». В контексте идеи диалога как обязательного аспекта бытия человека в мире становится понятным, что феноменологическая тенденция в психологии, все ее конкретные формы не учитывают ни диалога, ни диалогизированного сознания. Феноменологическая тенденция в психологии знает лишь монологическое общение и монологическое сознание. Поэтому дальнейшее развитие феноменологической тенденции предполагает осмысление диалога и как важнейшего предмета, и как ведущего метода исследования. Если мы всерьез задумаемся о человеке, личности как «говорящем бытии» в отличие от немой, безголосой вещи, то движение феноменологического анализа в направлении таких объектов, как диалог, диалогизированное понимание или даже диалогизированное бытие индивидов станет вполне логичным. Развитие же этой идеи вне концепции диалога, разработанной М.М. Бахтиным, вряд ли будет плодотворной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бинсвангер Л. Бытие-В-мире. М.: Ювента, 1999.
2. Бинсвангер Л. Экзистенциально-аналитическая школа мысли // Экзистенциальная психология. Экзистенция. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 308–332.
3. Волошинов В.Н. (М.М. Бахтин). Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М.: Лабиринт, 1993.
4. Выготский Л.С. Собр. соч. в 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. М.: Педагогика, 1982.
5. Дильтей В. Описательная психология. СПб.: Алетейя, 1996.
6. Кучинский Г.М. Развитие феноменологического метода и Dasein-анализ // Dasein-анализ в философии и психологии / Кол. авторов; Под ред. Г.М. Кучинского, А.А. Михайлова. Мн.: Европейский гуманитарный университет, 2001. С. 94–169.
7. Михайлов И.А. Феномен // Новая философская энциклопедия в 4 томах. Т. 4. М.: Мысль, 2002. С. 175.
8. Психологическая практика: проблемы и перспективы: Сб. науч. трудов / Под ред. Г.М. Кучинского. Мн.: ЕГУ, 2002.
9. Роджерс К. Взгляд на психотерапию: Становление человека. М.: Прогресс, 1994.
10. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997.
11. Шпигельберг Г. Феноменологическое движение. Историческое введение. М.: Логос, 2002.
12. Эленбергер Г. Клиническое введение в психиатрическую феноменологию и экзистенциальный анализ // Экзистенциальная психология. Экзистенция. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 201–236.
13. Экзистенциальная психология. Экзистенция. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
14. Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997.
15. Plock S. The Existential-Phenomenological Movement, 1834–1995 // Developments in Psychotherapy. Historical Perspectives. London: SAGE Publications, 1996. P. 29–61.